

Проблема языковой ассимиляции субдиалектов (на материале говоров шэнэхэнских и нижнеудинских бурят)

Д. Н.-Д. Васильева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
dug-vema@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема ассимиляции субдиалектов, описывается современное состояние островных субдиалектов бурятского языка в условиях языкового сдвига в иноэтническом окружении в Автономном районе Внутренняя Монголия (КНР) и России. На примере говоров двух этнотерриториальных групп шэнэхэнских и нижнеудинских бурят выявляются особенности языковой и этнической ассимиляции, анализируются фонологические и лексические изменения в языке носителей под влиянием китайского и русского языков.

Ключевые слова: языковая ассимиляция, монгольские языки, островной субдиалект, шэнэхэнские буряты, нижнеудинские буряты

Для цитирования: Васильева Д. Н.-Д. Проблема языковой ассимиляции субдиалектов (на материале говоров шэнэхэнских и нижнеудинских бурят) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 9–16.

Original article

The Problem of Subdialect Language Assimilation (based on the Buryat idioms material from Shenekhen and Nizhneudinsk)

Dugvema N.-D. Vasileva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
dug-vema@mail.ru

Abstract. The article looks into the problem of subdialect language assimilation, the author describes the current state of two Buryat language island subdialects in the context of a linguistic shift in the non-ethnic environments such as Inner Mongolia Autonomous Region (PRC) and Russia. The peculiarities of linguistic and ethnic assimilation are revealed on the basis of two ethnoterritorial group dialects of Shenekhen and Nizhneudinsk Buryats, with the focus on linguistic changes in terms of phonological and lexical shift under the influence of Chinese and Russian.

Keywords: linguistic assimilation, Mongolian languages, island subdialect, Shenekhen Buryats, Nizhneudinsk Buryats

For citation: Vasileva, D. N.-D. (2023). The problem of subdialect language assimilation (based on the Buryat idioms material from Shenekhen and Nizhneudinsk). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 9–16.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации, когда происходит быстрая интеграция экономики и мировых сообществ, явление языковой ассимиляции, или языкового сдвига, наблюдается во всех языках, функционирующих в условиях двуязычия. В нашем исследовании мы рассмотрим то, как функционируют «островные» субдиалекты бурятского языка в настоящее время.

В мире на монгольских языках говорят около 7 млн человек, ареал их распространения охватывает обширную территорию от северо-восточных провинций КНР до междуречья Дона и Волги (АРВМ, провинции Хэйлунцзян, Ляонин, Гирин в КНР, Монголия, в России – Республики Бурятия, Калмыкия, Тыва (здесь юго-восточная часть республики), Забайкальский край и Иркутская область).

Изучение говоров Внутренней Монголии, многие из которых в дальнейшем будут отнесены к группе «маргинальных», «островных» и «изолированных» языков, связано с именем русского монголоведа А. Д. Руднева, опубликовавшего в 1911 г. «Материалы по говорам Восточной Монголии». Андрей Руднев летом 1903 г. по поручению Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии посетил Восточную Монголию, где исследовал основные говоры, и отметил, что, несмотря на многовековую китайскую колонизацию, восточные монголы сохранили свой язык, поскольку лексический состав его остается монгольским, и что многие из них не понимают по-китайски [Руднев, 1911].

Термин «маргинальные» или «островные» языки в своих классификациях монгольских языков применяли Г. Д. Санжеев, Н. Поппе; Б. Х. Тодаева и Г. Дёрфер используют термин «изолированные языки».

По классификации Г. Д. Санжеева, «живые» монгольские языки разделены на две группы: основные и маргинальные языки. К основным Санжеев относит те языки, которые с самого начала своей истории находились в тесном контакте друг с другом, имели общую литературную культуру, формировали более или менее единую группу и в настоящее время имеют статус государственных языков. К ним относятся монгольский, бурятский и калмыцкий языки. К маргинальным; или «островным» языкам Г. Д. Санжеев относит все остальные языки, которые не имеют письменности и отделены от основного монгольского ареала другими языковыми группами: китайской, иранской и тибетской [Санжеев, 1952].

По классификации Поппе монгольские языки делятся на:

1. Восточные.
 - 1.1. Северные: бурятские.
 - 1.2. Центральные: халха, хотогойт, дархатский.
 - 1.3. Южные: харчинский, чахарский, ордосский, баргутский, хорчинский и др.
2. Западные: калмыцкий, ойратский.
3. Островные: дагурский, монгорский, могольский [Poppe, 1954].

Б. Х. Тодаева в труде «Монгольские языки и диалекты Китая» и завершающем цикл книг по ранее не исследованному монгольским языкам на территории Китая «Дагурский язык» выделяет группу изолированных монгольских языков [Тодаева, 1960; Тодаева, 1986].

Г. Дёрфер следовал за Н. Поппе: «Он выделил западно-монгольскую ветвь (калмыцкий, ойратский, включая олетский), восточномонгольскую ветвь (южно-монгольская группа диалектов: ордосский, чахарский, хорчинский, харчинский, старобаргутский и т. п.; центрально-монгольская группа диалектов: халха, хотогойты, дархаты и т. п.; северно-монгольская группа диалектов: бурятские диалекты, баргу-бурятский) и «изолированные языки»: могольский; дагурский и монгорскую группу диалектов (в которую вошли монгорский, дунсянский, шира-югурский и т. п.)» [цит. по: Грунтов, Мазо, 2015, с. 207].

В настоящее время «островной язык» – язык, которым пользуется население, находящееся в окружении иноязычного населения, в том числе язык отдельных национальных поселений иммигрантов. Он может быть вариантом какого-то языка, подвергающегося сильному воздействию языка этноса, окружающего данную территорию [Панькин, Филиппов, 2011].

В качестве материала исследования послужили интервью с языковыми консультантами, записанными автором во время экспедиций в Иркутской области (2016), АРВМ КНР (2019) и Республике Бурятия (2020–2023). В рамках данной статьи мы рассмотрим современные островные субдиалекты монгольских языков: говор шэнэхэнских бурят, компактно проживающих в сомонах Зүүн номон (Восточный) и Баруун номон (Западный) Эвенкинского хошуна Хулунбуирского аймака АРВМ КНР (здесь до 2000-х гг. третьим населенным пунктом, где проживали буряты, был Мүнгэн номон (Мунгэн)) и говор нижеудинских бурят, носителей самого изолированного от других языков и диалектов монгольской группы говора.

Как правило, на говоре или субдиалекте общаются между собой жители одного или нескольких населенных пунктов. Каждый из упомянутых говоров обладает рядом важных особенностей и

некоторыми специфическими чертами, отличными от живых монгольских языков в области фонетики, грамматики, лексики, словообразования в виду взаимодействия с другими монгольскими и тюркскими языками и диалектами, китайским и русскими языками. Как пишет Г. А. Дырхеева: «дисперсное проживание населения способствует сохранению языков, т. к. оно не содействует консолидации и языковому единению и помогает сохранению языка, хотя в виде диалектов» [Дырхеева, 2015, с. 15].

ГОВОР ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ

Носители бурятского языка как отдельного этноса (или диалекта, как определяют его большинство ученых-монголистов в рамках общего монгольского языка) проживают в России (Республика Бурятия, Забайкальский край и Иркутская область), Монголии (аймаки Дорнод, Хэнтий, Хубсугул) и КНР (АРВМ).

В разные годы ученые-лингвисты выделяли различные классификации в отношении диалектов бурятского языка. В научной литературе, связанной с монголоведением, термины «наречие», «диалект», «говор» употребляются в разных значениях. Некоторые исследователи используют термин «диалект» в значении совокупности говоров, характеризующихся общими для них чертами, но в меньшей степени, чем наречие. В таком случае в состав одного наречия может входить несколько диалектов. Другие лингвисты применяют термины «наречие» и «диалект» в синонимичном значении. Одни считают говор самой мелкой разновидностью языка, другие делят говор на подговор [Бертагаев, 1961; Санжеев, 1963].

Ц. Б. Цыдендамбаев разделил бурятский язык на четыре территориальных диалекта (или наречия): добайкальский (западный), прибайкальско-саянский (промежуточный), хоринский (восточный) и селенгинский (южный). К восточному диалекту он относит собственно хоринский, тугнуйский, агинский и условно иволгинско-оронгойский говоры [Цыдендамбаев, 1960].

Ц. Б. Будаев в монографии «Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении» пишет: «Наречие – самая крупная разновидность языка, объединяющая в себя группу говоров с общими языковыми признаками. Говор является частью наречия и обладает своими специфическими чертами, отличающимися от других говоров. В состав некоторых говоров входят подговоры, имеющие свои специфические особенности. Термин «диалект» употребляется нами как разновидность языка вообще (в значении наречия,

говора и подговора)» [Будаев, 1978, с. 20]. В своей классификации Ц. Б. Будаев выделяет три наречия: западнобурятское, восточнобурятское и южнобурятское. К восточнобурятскому наречию относятся хоринский и североселенгинский говоры. Хоринский говор имеет четыре подговора: мухор-шибирско-бичурский, агинский, шергальжинский и донда-киретский.

В данной работе мы используем термины «язык», «диалект», «субдиалект» (или «говор»).

Первым из описываемых островных субдиалектов является говор шэнэхэнских бурят, основную часть которых составляют выходцы из агинских бурят (говорящих на агинском говоре хоринского диалекта бурятского языка). Данная этническая группа проживает в Восточном (Зүүн хомон) и Западном (Баруун хомон) сомонах местности Шэнэхэн Эвенкийского хошуна Хулунбуирского аймака АРВМ КНР. Численность до 8 тыс. человек. В АРВМ за основу литературного монгольского языка принят чахарский диалект южномонгольской группы восточномонгольских наречий. В качестве письменного языка и в настоящее время используется старописьменный монгольский язык. На протяжении 100 лет шэнэхэнские буряты живут в КНР, знают китайский, монгольский языки, владеют монгольской письменностью. Многие из них говорят на дагурском и эвенкийском языках.

Б. Х. Тодаева в монографии «Язык монголов Внутренней Монголии» отмечает, что язык баргутов и бурят, проживающих на территории Хулунбуирского аймака АРВМ, близок к языку бурят СССР [Тодаева, 1986].

Топоним Шэнэхэн предшествовал названию этнической группы шэнэхэн буряад «шэнэхэнские буряты» от ст.-монг. *šineken* (ср. х.-монг. *шинэхэн*, бур. *шэнэхэн*, калм. *шин* «новый; новенький»). Некоторую часть данной этнической группы составляют представители бурятских родов из других аймаков Бурятии. Есть выходцы из предбайкальских (западных) бурят. Все они являются поздними переселенцами, т. к. основной исход данной этнической группы произошел в начале 20-х гг. XX в. На эмиграцию бурят в Китай повлияли несколько факторов. Л. Б. Бадмаева в статье «Письменный памятник по истории шэнэхэнских бурят» отмечает, что в рассматриваемом ею сочинении Бодонгут Абида «исход бурят в Шэнэхэн (КНР) связан с историческими событиями, происходившими в России в начале XX в.: начало Первой мировой войны, мобилизация бурятской молодежи на тыловые работы, революционные волнения внутри страны и т. д. В связи с усилением революционного движения в России были особенно обеспокоены представители бурятских сайтов, нойонов,

буддийской духовной иерархии» [Бадмаева, 2017, с. 11]. Другая часть бурят осталась на территории Китая во время установления русско-китайской границы. Как отмечают Тимофеев, Грибова: «Советское правительство предложило аннулировать неравноправные договоры. Но под давлением стран Антанты пекинское правительство прервало переговоры и в марте 1918 г. отозвало своего посланника, была закрыта русско-китайская граница. Лишь в 1924 г. возобновились контакты между СССР и Китаем» [Тимофеев, 2013, с. 33].

Приводим материал из интервью Дамдиной Даримы из рода Лыглуд Хубдуд, 1954 г. р. С 1994 г. проживает в г. Улан-Удэ Республики Бурятия.

Манай нагаса аба эжы хоёр Борзиин Үлирэнгэ нутагнаа урагшаа нүүдэллээр нүүгээд байхада, гэнтэ хилэ тогтоод, тэндэ үлэшээн... – Когда наши дедушка и бабушка (со стороны мамы) кочевали к югу от с. Урулюнгуй Борзинского района, граница внезапно закрылась, и [они] там остались¹.

Со слов нашего языкового консультанта мы приводим песню на бурятском языке, которую она услышала у женщины по имени Ынхар. Из рассказа Дамдиной Даримы следует, что эта песня исполнялась ими в 70-х гг. (XX в.) после Культурной революции в Китае в ритме песен западных бурят:

Саарал морьнэй зобохые
Самхаад ерэжээгээ амараагаа.
Сагаантал засагтаа зобохыем
Сосыализм боложээгээ амараагаа.
Хара морьнэй зобохые
Харгы ерэжээгээ амараагаа.
Хаантал засагтаа зобохыем
Хомонизм боложээгээ амараагаа.

Буквальный перевод песни:

Мышастого коня от страданий
велосипед появился и избавил.
От мучений власти белогвардейцев
социализм наступил и избавил.
Вороного коня от страданий
дороги появились и избавили.
От мучений при царской власти
Коммунизм пришел и избавил.

Как видим, в тексте песни несколько слов-историзмов, подвергнувшихся изменениям под влиянием бурятского языка, как *сосыализм* (*социализм*), *хомонизм* (*коммунизм*). Кроме того, говор

шэнэхэнских бурят сохраняет лексику, заимствованную из русского языка в период XVII – начала XX вв. и активно употребляющуюся в повседневной речи. Например, *самхаад*, *самхаадха* от рус. *самокат* в значении «велосипед»; *ирплан* от рус. *аэроплан* в значении «самолет»; *барезни* (*варенье*), *хилээмэн* (*хлеб*) и др.

В речи следующего языкового консультанта Сампилай Даши-Дондока из рода Тогтор Хуасай, 1969 г. р.:

Тээд би үдын хойно табан *час* хахадай *ирплан-да* хуугаад, Хүх-Хото манай табан багша Хүх-Хото ороно. Тэндэ нэгэ *неделе* үлүү байгаадлэ болхобди. Болбосоролтон мандые хэшээл оруулха *ба*. Тигээд хорин зургаанда ерхэбди, тиигээд нэгэ бага яаруу. – После полудня в 5:30 сядем в самолет и в составе 5 учителей полетим в Хух-Хото. Будем неделю с лишним. Специалисты сферы образования проведут занятия для нас. Вернемся 26-го, поэтому немного тороплюсь.

Помимо русских заимствований шэнэхэнские буряты активно используют лексику из китайского языка. Здесь мы фиксируем китайскую модальную частицу 吧 [*ba*] в качестве утверждения.

Нами зафиксированы словосочетания и фразы из активного словаря:

шэн. бур. *патрят/потрят/петрпат* сохиho – фотографировать, делать фото (ср.: рус. портрет);

дүүгээ бүү *обиидижэ* бай – не обижай младшего брата / сестру (ср.: рус. обижать) муухай *бреднэ* хүүгэд бэ – какой вредный ребенок (ср.: рус. вредный)

денхуа дааха – звонить по телефону (*кит.* 电话 – телефон)

тиимэ ба? – так же? (*кит.* 吧 – модальная частица в качестве вопросительной частицы и утверждения).

Речь носителей шэнэхэнского говора изобилует пословицами, поговорками, фразеологизмами. Для рассматриваемого субдиалекта распространено такое фонетическое явление, как эпентеза. В записанной нами поговорке заимствования из китайского и русского языков. Пример:

Заяанай һогтууда жаран дү перваабка. – К изначальной глупости еще и 60-градусная водка добавилась (*кит.* 度 – градус; рус. прибавка).

В настоящее время влияние китайского языка и других диалектов монгольского языка

¹ Зд. и далее перевод наш. – Д. В.

Внутренней Монголии друг на друга ощущается повсеместно. Согласно Л. Б. Бадмаевой, «полевые материалы свидетельствуют о том, что язык шэнхэнских бурят Китая не претерпел больших изменений в сравнении с агинским говором хоринского диалекта. Наблюдаются лишь некоторые фонетические изменения под влиянием китайского языка, а именно смягчение шипящих и свистящих звуков: *бур. бэшэ – шэн. бур. б'ис'а* (другой, иной); *бур. шэнэ – шэн. бур. синэ* (новый) и т. д.» [Бадмаева, 2017, с. 12]. В ходе анализа собранного материала наблюдается вариативность произношения и замена гласного звука «э» на «у» после шипящего «ш»: *бур. шэнэ – шэн. бур. шунэ*; *шэнэ хүн* (новый человек), но *шүнэ жэл* (новый год). Чередование согласных звуков «б» и «г», характерное для многих диалектов монгольских языков: *бур. үбэл – шэн. бур. үгэл* (үгэлэй сахариг – зимние колеса / шины).

ГОВОР НИЖНЕУДИНСКИХ БУРЯТ

Из истории изучения говора

Исследованию данного субдиалекта посвящены труды М. А. Кастрена (1857), А. А. Дарбеевой (1960, 1972, 1974, 1978; в 1958 г. А. А. Дарбеева впервые посетила нижеудинских бурят с экспедицией), В. И. Рассадина (1999; в 1976 г. В. И. Рассадин был в экспедиционной поездке у нижеудинских бурят); в 2016 г. спустя порядка 40 лет вышла статья Ю. Д. Абаевой. Согласно Т. А. Бертагаеву, «разговорный язык бурят распадается на три основных диалекта, или наречия: восточный диалект, или наречие, забайкальских бурят, западный диалект, или наречие, предбайкальских бурят и, наконец, нижеудинский диалект, или нижеудинское наречие, которое, несмотря на небольшое количество говорящего на нем населения, настолько самобытно по своим лингвистическим данным, что несомненно находится на уровне особого диалекта, даже наречия» [Бертагаев, 1961, с. 3].

Д. А. Алексеев в бурятском языке выделял 10 диалектов: хоринский, селенгинско-иволгинский, цонголо-сартульский, кабанский, баргузинский, тункинский, эхирит-булагатский, аларо-унгинский, боханский и нижеудинский [Алексеев, 1955]. Г. Д. Санжеев считает, что в бурятском языке имеется «около тринадцати диалектов, которые, в свою очередь, делятся на большее или меньшее количество мелких говоров» [Санжеев, 1952, с. 13]. Классификация Санжеева следующая:

- 1) хоринский диалект с агинским говором;
- 2) цонгольский, или цонгольско-сартульский;

- 3) селенгинский (несакающий);
- 4) кабанско-баргузинский диалект, разделяемый на кабанский и баргузинский говоры;
- 5) тункинский;
- 6) окинский;
- 7) нижеудинский;
- 8) унгинский;
- 9) аларский;
- 10) боханский;
- 11) эхиритский;
- 12) булагатский.

Ц. Б. Цыдендамбаев относит нижеудинский говор к добайкальскому диалекту, Ц. Б. Будаев – к западнобурятскому наречию, В. И. Рассадин же считает данный говор существующим самостоятельно «вне системы как эхирит-булагатских и присаянских бурятских говоров, так и хоринских, так и южных» [Рассадин, 1999, с. 3].

В июле 2016 г. мы в составе экспедиционной группы в количестве четырех человек побывали в с. Кушун Нижнеудинского района Иркутской области. Почти 1000 км между Улан-Удэ (до 1934 г. – Верхнеудинск) и Нижнеудинском. Названия городов происходят от гидронима *Уда*. Село Кушун (старинное бурятское название *Шугуул*) находится в 35 км от Нижнеудинска. В Кушуне проживает около 60 семей, 136 человек. По данным В. И. Рассадина, полученным им в 1976 г., «нижеудинские буряты, общим числом около 500 человек, проживали в двух селах: Кушун (старое бурятское название его – *Шугуу һүүл*) и Мунгуту-Булак. Эти села удалены друг от друга примерно на 30 км» [Рассадин, 1999, с. 7]. В Мунгуту-Булак сейчас живут четыре семьи.

Наши языковые консультанты рассказали легенду о том, откуда появились ойконимы Кушун (*бур. Шугуул*) и Мунгуту-Булак. Из Монголии в эти места прибыли два брата Шакаа и Кабтаа. Шакаа остался в местности Кушун, а брат осел в Мунгуту-Булак. В с. Кушун в основном живут представители рода Кара коршин, в Мунгуту-Булак – из рода Шара коршин. Кроме того, старожилы упоминают о бытовании названий Монгол харгы «монгольская дорога» и Монгол дабаан «монгольский хребет», которые сохранились только в легендах.

Нижнеудинские буряты на протяжении веков контактировали с тюркоязычными тофаларами и кетоязычными коттами. Русские пришли на эти земли в XVII в. Некоторые языковые консультанты во время беседы упоминали, что их бабушки были тофаларками. С тофаларами буряты имели торговые отношения. Поскольку тофалары были таежными кочевниками, они приходили к оседлым нижеудинским бурятам и покупали еду и инструменты. Рассказывают, что тофалары хорошо знали бурятский язык.

По нашим опросам следует, что жители Кушуна общаются между собой на русском языке. Исследователи еще в 70-х гг. отмечали, что «при функциональном существовании двух языков в двуязычном коллективе устойчиво сохраняется лишь тот язык, функции которого обладают двумя обязательными признаками: 1) тотальностью обслуживания населения; 2) нерегламентированностью этих функций во времени. Русский язык, выполняя функции языка культуры и внутригосударственного общения, охватывает наиболее широкие сферы общественной деятельности, а родной язык бурят применяется только в обиходно-бытовой сфере» [Дарбеева, 1978; Рассадин, 1999]. Старики в начале интервью говорят на русском, а затем постепенно переходят на смешанное русско-бурятское двуязычие. Дома снаружи и убранство внутри, как в русских селах. В красном углу размещены иконы, на стенах – православные календари. В некоторых домах рядом с православными висят и буддийские календари.

Отрывок из интервью с Суровцевой-Коногоровой Валентиной (1934 г. р., уроженкой с. Кушун, из рода Кара коршин):

Буряад молитваяа кэлнэмдэ, мангад молитваяа кэлнэмдэ. Все это надо знать. Буркан Баабай нэгэн. И буряаднуудта и мангуудта один Бог на всех. А молитвы помогают. Молитва Живой помощи. В больнице лежала никакая. Хорошо, что молитвы с собой взяла. А-то би тэндээш гаркуубам. Молитва Живой помощи кармаандам ябаа. – Читаю бурятские молитвы, читаю русские молитвы. Все это надо знать. Бог один. И для бурят, и для русских один Бог на всех. А молитвы помогают. Молитва Живой помощи. В больнице лежала никакая. Хорошо, что молитвы с собой взяла. А то бы я оттуда не вышла. Молитва Живой помощи была в кармане.

Особенности фонетики говора нижеудинских бурят

Смычный /к/ вместо проточного /х/ в литературном бурятском языке, зафиксированы чередования /к/, /кх/, /т/:

бур. НУ	лит. бур.	х.-монг.	рус.
кара кхэлнэ түмһан / түмүһун	хара хэлэхэ хүмһан	хар хэлэх хумс(ан)	черный говорит ноготь

Вызвал интерес аффикс родительного падежа -ан [-ään]: *Шугуулан* (Шугульский; Шугула), *Удан* (удинский; Уды).

Лексические особенности

бур. НУ	лит. бур.	х.-монг.	рус.
ийкэдэр	хайндэр	баярын өдөр	праздник
куузан	аляһан	ялаа	муха

Рассадин пишет: «Лексема представляет собой, по всей вероятности, тюркское заимствование, прототипом которого является общетюркское слово *коңуз* (жук), бытующее почти во всех современных тюркских языках и зафиксированное в древнетюркском» [Рассадин, 1999, с. 142]. В настоящее время на говор сказалось влияние литературного бурятского языка: лексема *аляһан* употребляется наряду с *куузан*.

- бур. НУ соол – печь, печка
- алар. бур. соол – дом, изба
- х.-монг. зуух – печь.

По В. И. Рассадину, *тоф. соол* (печь, печка) взято у нижеудинцев, так как у них слово *соол* употребляется в значении «печь, печка» [Рассадин, 1999, с. 8].

бур. НУ	лит. бур.	х.-монг.	рус.
бидагоор	бид хоёр, хоюулаа	бид хоёр, хоёулаа	вдвоем

Нами зафиксирован случай употребления слова в противоположном значении. *Бур. НУ* *Үһэниинь бакадаа* (букв. 'его / ее волосы уменьшились / сократились') употребляется в значении «его / ее волосы стали длинными, нужно их постричь».

В интервью Дичева Татьяна Константиновна, 1925 г. р., уроженка с. Кушун Нижнеудинского района Иркутской области, вспомнила давнюю беседу с тулунскими бурятами, в которой проявились различия в диалектах:

В Тулунский район ошоомдя... Соол соо ороод суухуу? Соолдо ороорой. Гайкаад, соол соо ороод бяну. Юрайн, ши ороорой. Ши ороош, потом би бэезн орно. – Поехали мы в Тулунский район... [И говорят нам]: «Зайдете в печку? Заходите в печку». Удивилась, в печку что ли заходить. Юра, ты заходи. Ты зайди, а потом я сама зайду.

Ср.:

- бур. НУ соол – печь
- алар., окин., тунк., закам. бур. соол – изба, поставленная из толстых бревен.

Другой особенностью говора нижнеудинцев является то, что при разговоре они указывают на обязательную принадлежность к себе, даже в тех случаях, где это не требуется. Например:

- рука – бур. *НУ гарамэни* (букв.: 'моя рука')
- голова – бур. *НУ толгоймэни* (букв.: 'моя голова')
- младший брат или сестра – бур. *НУ дүүмэни, дүү күбүүмэни* (букв.: 'мой младший брат или сестра; мой младший брат')
- мать, мама – бур. *НУ экемэни* (букв.: 'моя мать, мама').

Глагольные формы не являются исключением:

- делать – лит. бур. *хэхэ* – бур. *НУ киикэээ* (чтобы сделать самому / самой).

Таковыми особенностями обладают енисейские языки (особенно кетский).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема ассимиляции субдиалектов остается в настоящее время актуальной. Современные субдиалекты монгольских языков таких этнических групп, как шэнэхэнские и нижнеудинские буряты, в разной степени продолжают сохранять свою

уникальность и своеобразие. Анализируя полученный полевой материал, можно сделать вывод о том, что структура слов и предложений в рассматриваемых говорах является общемонгольской; различия же проявляются в фонетике и лексике. В говоре шэнэхэнских бурят наблюдается заметное влияние китайского языка и литературного чахарского диалекта; в частности, употребление модальных частиц китайского языка, смягчение шипящих и свистящих звуков.

Современное состояние языка шэнэхэнских бурят по сравнению с нижнеудинским говором стабильно, но необходимо отметить, что процент носителей говора в чистом виде сокращается.

Говор нижнеудинских бурят находится на грани исчезновения. Количество носителей уникального говора с каждым годом уменьшается. По нашим экспедиционным материалам возраст носителей, владеющих родным говором в разной степени, начинается от 50 лет. Общественные коммуникативные функции выполняет русский язык.

Таким образом, процессы языковой и этнической ассимиляции двух этнотерриториальных групп шэнэхэнских и нижнеудинских бурят, компактно проживающих в Китае и России, происходят с сохранением знания родного языка и практически полной его потерей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Руднев А. Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб.: Факультет восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета, 1911.
2. Санжеев Г. Д. Монгольские языки и диалекты. Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М., 1952. Т. IV.
3. Poppe N. Grammar of written Mongolian. Porta linguarum orientalem. Neue Serie, 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954.
4. Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М.: Восточная литература, 1960.
5. Тодаева Б. Х. Дагурский язык / АН СССР, Институт востоковедения. М.: Наука, 1986.
6. Грунтов И. А., Мазо О. М. Классификация монгольских языков по лексикостатическим данным // Вопросы языкового родства. 2015. Вып. 13/3. С. 205–255.
7. Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта : Наука, 2011.
8. Дырхеева Г. А. Особенности трансформации языковой ситуации в Бурятии: к постановке проблемы изучения типологии языковых контактов в Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 2 (29). С. 10–15.
9. Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка / Акад. наук СССР. Институт языкознания. М., 1961.
10. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М.: Восточная литература, 1963.
11. Цыдендамбаев Ц. Б. О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке // Труды БКНИИ СО АН СССР. Сер. Востоковед. Улан-Удэ, 1960.
12. Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978.
13. Бадмаева Л. Б. Письменный памятник по истории шэнэхэнских бурят // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67): в 2 ч. Ч. 1. С. 10–13.
14. Тимофеев О. А., Грибова О. К. Некоторые проблемы истории формирования российско-китайской границы в новое и новейшее время // Ойкумена. 2013. № 2. С. 30–37.
15. Алексеев Д. А. О «территориальных» диалектах бурят-монгольского языка // Материалы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955. С. 82–93.
16. Рассадин В. И. Становление говора нижнеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.
17. Дарбеева А. А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта: На материале монгольских языков. М.: Наука, 1978.

REFERENCES

1. Rudnev, A. D. (1911). *Materialy po govoram Vostochnoj Mongolii* = Materials on dialects of Eastern Mongolia. St. Petersburg: fakul'tet Vostochnykh yazykov Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)
2. Sanzheev, G. D. (1952). *Mongol'skie jazyki i dialekty*. Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR = Mongolian languages and dialects. Scientific notes of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (vol. IV). Moscow. (In Russ.)
3. Poppe, N. (1954). *Grammar of written Mongolian*. Porta linguarum orientalium. Neue Serie, 1. Wiesbaden: Harrassowitz.
4. Todaeva, B. Kh. (1960). *Mongol'skie jazyki i dialekty Kitaya* = Mongolian languages and dialects of China. Moscow: "Vostochnaya Literatura" ("Oriental Literature") Publisher. (In Russ.)
5. Todaeva, B. Kh. (1986). *Dagurskii yazyk* = Dagur language. USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Gruntov, I., Mazo, O. (2015). Lexicostatistical classification of the Mongolic languages. *Journal of Language Relationship*, 13/3, 205–255. (In Russ.)
7. Pankin, V. M., Filippov, A. V. (2011). *Yazykovye kontakty: kratkii slovar'* = Language contacts: concise dictionary. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
8. Dyrkheeva, G. A. (2015). Features of the transformation of the language situation in Buryatia: towards the formulation of the problem of studying the typology of language contacts in Siberia. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*, 2(29), 10–15. (In Russ.)
9. Bertagaev, T. A. (1961). *O morfologicheskom stroe buryatskogo yazyka* = On the morphological structure of the Buryat language. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. Moscow. (In Russ.)
10. Sanzheev, G. D. (1963). *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov: Glagol* = Comparative grammar of Mongolian languages: Verb. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Oriental Studies. Moscow: "Vostochnaya Literatura" ("Oriental Literature") Publisher. (In Russ.)
11. Tsydendambaev, Ts. B. (1960). *O dialektal'nykh razlichiyakh v razgovornom buryatskom yazyke* = On dialectal differences in the spoken Buryat language. Proceedings of the BKNII SB AN USSR. Ser. Orientalist. Ulan-Ude. (In Russ.)
12. Budaev, Ts. B. (1978). *Leksika buryatskikh dialektov v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* = Vocabulary of Buryat dialects in comparative historical coverage. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
13. Badmaeva, L. B. (2017). *A Written Monument on the History of Shenekhen Buryat*. Philology. Theory and practice, 1(67)-1, 10–13. Tambov: Gramota Publishers. (In Russ.)
14. Timofeev, O. A., Gribova, O. K. (2013). Some Problems of the History of Russian-Chinese Border Formation in Modern Times. *Ojkum*, 2, 30–37. (In Russ.)
15. Alekseev, D. A. (1955). *O «territorial'nykh» dialektakh buryat-mongol'skogo yazyka* = About the "territorial" dialects of the Buryat-Mongolian language. Materials of the scientific conference on the issues of the Buryat-Mongolian language (pp. 82–93). Ulan-Ude. (In Russ.)
16. Rassadin, V. I. (1999). *Stanovlenie govora nizhneudinskikh buryat* = The formation of the dialect of the Nizhneudinsk Buryats. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN. (In Russ.)
17. Darbeeva, A. A. (1978). *Vliyanie dvuyazychiya na razvitie izolirovannogo dialekta. Na materiale mongol'skikh yazykov* = The influence of bilingualism on the development of an isolated dialect. Based on the material of Mongolian languages. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры восточных языков переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasileva Dugvema Natar-Dorzhiyevna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of Oriental Languages

Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.08.2023

18.09.2023

26.09.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication